

Международный научно-исследовательский журнал

«Прогрессивная экономика»

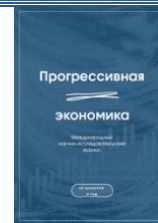
№ 12 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/tendenczii-diversifikaczii-vneshneekonomicheskoi-deyatelnosti-rf-v-usloviyah-transformaczii-mirovoj-ekonomiki/

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности ВАК: 5.2.5

УДК 339.543

DOI: 10.54861/27131211_2025_12_329



ТЕНДЕНЦИИ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РФ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Пивоваров А.Г., аспирант, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), 344002, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул.

Большая Садовая, д. 69

e-mail: profikjke@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-6522-7924>

Аннотация. Целью статьи является анализ тенденций диверсификации внешнеэкономической деятельности Российской Федерации в условиях трансформации мировой экономики и изменяющейся конфигурации глобальных экономических связей. Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении внешнеэкономической деятельности как многоуровневой системы трансграничных экономических связей, включающей торговлю услугами, инвестиционную деятельность, а также финансово-расчётные и институциональные механизмы обеспечения внешних операций. В ходе исследования выявлено, что диверсификация внешнеэкономической деятельности России носит преимущественно адаптационный характер. Показано, что торговля услугами остаётся структурно зависимой от обслуживания товарных потоков и характеризуется ограниченным присутствием на рынках высокотехнологичных и интеллектуальных услуг; инвестиционная компонента демонстрирует сокращение объёмов, высокую волатильность и слабую диверсификацию по странам и секторам; финансово-расчётные механизмы, напротив, являются наиболее динамично трансформирующимся элементом ВЭД, формируя альтернативную архитектуру международных расчётов на основе национальных платёжных систем, расчётов в национальных валютах и цифровых финансовых активов. Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности их использования при разработке и корректировке стратегий диверсификации внешнеэкономической деятельности, формировании мер государственной поддержки экспорта услуг, инвестиционной политики и развитии альтернативных финансово-расчётных механизмов в условиях внешнеэкономических ограничений. Полученные выводы также могут быть использованы в научно-аналитической и экспертной деятельности при оценке устойчивости и перспектив



интеграции российской экономики в трансформирующуюся систему международных экономических связей.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, ВЭД, диверсификация внешнеэкономической деятельности, мировая экономика, торгово-экономические отношения.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Пивоваров А.Г. Тенденции диверсификации внешнеэкономической деятельности РФ в условиях трансформации мировой экономики // Прогрессивная экономика. 2025. № 12. С. 329–345.
https://doi.org/10.54861/27131211_2025_12_329.

Статья поступила в редакцию: 19.11.2025 г. Одобрена после рецензирования: 24.12.2025 г. Принята к публикации: 24.12.2025 г.

TRENDS IN THE DIVERSIFICATION OF FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF THE GLOBAL ECONOMY

*Pivovarov A.G., Postgraduate Student, Rostov State University of Economics (RINH), 344002, Rostov Region, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya str., 69
e-mail: profikjke@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-6522-7924>*

Abstract. The purpose of the article is to analyze the trends in the diversification of foreign economic activity of the Russian Federation in the context of the transformation of the world economy and the changing configuration of global economic relations. The scientific novelty of the research lies in the comprehensive consideration of foreign economic activity as a multilevel system of cross-border economic relations, including trade in services, investment activities, as well as financial, settlement and institutional mechanisms for ensuring external operations. The study revealed that the diversification of Russia's foreign economic activity is mainly adaptive in nature. It is shown that trade in services remains structurally dependent on servicing commodity flows and is characterized by a limited presence in the markets of high-tech and intellectual services; the investment component demonstrates a reduction in volumes, high volatility and weak diversification by country and sector. Financial and settlement mechanisms, on the contrary, are the most dynamically transforming element of foreign economic activity, forming an alternative architecture for international settlements based on national payment systems, settlements in national currencies and digital financial assets. The practical significance of the research results lies in the possibility of their use in the development and adjustment of strategies for the diversification of foreign economic activity, the formation of measures of state support for the export of services, investment policy and the development of alternative financial and settlement mechanisms in the context of external economic constraints. The findings can also be used in scientific, analytical and expert activities to assess the sustainability and prospects of the



integration of the Russian economy into the transforming system of international economic relations.

Keywords: foreign economic activity, foreign economic activity, diversification of foreign economic activity, world economy, trade and economic relations.

JEL classification: F14, L71, Q34.

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Pivovarov A.G. (2025). Tendentsii diversifikatsii vneshneekonomicheskoi deyatel'nosti RF v usloviyakh transformatsii mirovoi ehkonomiki [Trends in the diversification of foreign economic activity of the Russian Federation in the context of the transformation of the global economy]. *Progressivnaya ekonomika [Progressive Economy]*, 12, 329–345, https://doi.org/10.54861/27131211_2025_12_329 (In Russ., abstract in Eng.)

The article was submitted to the editorial office: 19/11/2025. Approved after review: 24/12/2025. Accepted for publication: 24/12/2025.

Введение

Тенденции к усилению геополитической фрагментации, росту протекционистских мер и пересмотру сложившихся цепочек создания стоимости, характерные для текущего этапа развития международной торговли, формируют качественно новую конфигурацию мировой экономики, в рамках которой внешнеэкономическая деятельность государств приобретает особое стратегическое значение. Снижение предсказуемости международных экономических связей и нарастание барьеров для трансграничного движения товаров, капитала и технологий обуславливают необходимость адаптации национальных экономик к изменяющимся условиям глобального взаимодействия, а также поиска новых форм участия в мировой хозяйственной системе.

Национальная экономика России характеризуется высокой способностью к адаптации. Усиление санкционного давления и отказ ряда стран от продукции российских экспортеров не привели к потере конкурентных позиций на ключевых товарных рынках, прежде всего, в сегментах топливно-энергетических ресурсов, металлов, минерального сырья и отдельных видов агропромышленной продукции. Изменение условий внешнеэкономической деятельности (после февраля 2022 года) привело к перераспределению географии внешнеэкономических связей в сторону усиления роли стран Глобального Юга и Азии. В течение последних четырёх лет в структуре внешнеэкономической деятельности Российской Федерации отчетливо проявляется тенденция к возрастанию зависимости от азиатского направления, прежде всего, от экономик Китая и ряда других стран Восточной и Юго-Восточной Азии [1].

Усиление роли Китая как ключевого торгового партнёра России выражается не только в росте товарооборота, но и в увеличении доли



отдельных товарных позиций, а также в расширении кооперационных связей в сфере инвестиций, логистики и финансовых расчётов. С одной стороны, данный вектор стал важным компенсаторным механизмом в условиях ограничения доступа к традиционным рынкам, с другой – зависимость от одного торгового партнёра создает структурные риски, связанные с повышенной концентрацией внешнеэкономических потоков.

Повышение степени зависимости от одного или ограниченного круга торговых партнёров объективно актуализирует вопросы диверсификации внешнеэкономической деятельности как ключевого условия повышения устойчивости национальной экономики в долгосрочной перспективе. В этом контексте диверсификация рассматривается не только как расширение географии внешней торговли, но и как углубление товарной структуры экспорта и импорта, развитие новых форм международного экономического сотрудничества и снижение уязвимости к внешним шокам. Указанные обстоятельства определяют цель настоящей статьи, которая заключается в анализе тенденций диверсификации внешнеэкономической деятельности Российской Федерации в условиях трансформации мировой экономики и изменяющейся конфигурации глобальных экономических связей.

Обзор литературы

Проблематика диверсификации внешнеэкономических связей Российской Федерации является предметом внимания как русскоязычного, так и англоязычного научного сообщества. Ряд современных исследований посвящён переориентации географии внешнеэкономических связей и так называемой «коридорной» диверсификации. В англоязычной литературе прослеживается подход, в рамках которого диверсификация трактуется не столько как расширение набора рынков сбыта, сколько как трансформация транспортно-логистических коридоров, обеспечивающих доступ к альтернативным и преимущественно «дружественным» направлениям. Переориентация торговых потоков интерпретируется как вынужденная перестройка пространственной архитектуры внешней торговли, проявляющаяся в изменении направлений движения товаров, росте значимости альтернативных маршрутов, портов и транзитных узлов. Так, S. Fortescue [2], G. Aksenov, R. Li, Q. Abbas и др. [3] показывают, что диверсификация российских внешнеэкономических связей носит институционально-логистический характер и отражает адаптацию внешнеэкономических связей к разрыву прежних кооперационных цепочек.

В прикладных исследованиях, основанных преимущественно на материале российско-китайских отношений, диверсификация рассматривается через сопряжение торговых потоков с инфраструктурой перевозок и расчётов, развитие евразийских сухопутных маршрутов и обсуждение потенциала новых направлений, включая северные и полярные логистические коридоры [4; 5]. Важно отметить здесь, что пространственно-



логистическая диверсификация фактически описывает обслуживание внешней торговли товарами и лишь в ограниченной степени затрагивает иные формы внешнеэкономической деятельности.

Существенное место в литературе занимает классическое понимание диверсификации как изменения товарной структуры экспорта и расширения географии рынков сбыта. На региональном уровне эмпирические исследования показывают, что степень экспортной диверсификации российских субъектов Федерации во многом зависит от параметров финансового развития и институциональной среды, а санкционные шоки сопровождаются перераспределением экспортных профилей регионов за счёт перенастройки номенклатуры и рынков [6]. При сохранении высокой товарной концентрации, прежде всего, в нефтегазовом экспорте, происходят значимые изменения в составе покупателей, увеличивается роль азиатских рынков, возрастает логистическая протяжённость поставок и формируются ценовые дисконты [7]. Таким образом, диверсификация внешнеэкономических связей России носит преимущественно географический характер и реализуется внутри существующей специализации, не сопровождаясь быстрым усложнением товарной структуры экспорта.

Отдельного внимания заслуживают исследования, рассматривающие диверсификацию инвестиционных связей как составного элемента внешнеэкономической деятельности. Трансформация финансовой архитектуры и внешние ограничения стимулируют перенастройку географии и каналов движения капитала, одновременно актуализируя проблему корректного учёта и интерпретации инвестиционных потоков в новых условиях. На направлении «Россия–Китай» фиксируется рост отраслевой диверсификации инвестиционного и кооперационного взаимодействия, выражающийся в постепенном смещении от узких сырьевых связей к более сложной структуре сотрудничества [8; 9]. Вместе с тем инвестиционное измерение, как правило, остаётся вторичным по отношению к анализу внешней торговли и редко рассматривается как самостоятельный контур диверсификации внешнеэкономической деятельности.

Анализ научных источников показал, что несмотря на многообразие подходов и объектов исследования, преобладающая часть научных работ сводит диверсификацию внешнеэкономической деятельности Российской Федерации к трансформации внешней торговли товарами – её географии, логистике и товарной структуре. При этом внешнеэкономическая деятельность как более широкая категория, включающая торговлю услугами, инвестиционное и производственное сотрудничество, финансово-расчётную инфраструктуру, а также институциональные и цифровые механизмы поддержки международных связей, остаётся недостаточно системно изученной. Разрыв между узкой «торговой» трактовкой диверсификации и комплексным пониманием внешнеэкономической деятельности задаёт



направление для исследований, ориентированных на более целостный анализ диверсификационных процессов в условиях трансформации мировой экономики.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют системный и структурно-функциональный подходы. В процессе достижения заявленной исследовательской цели также применяются методы сравнительного и динамического анализа данных внешней торговли, платёжного баланса и инвестиционной статистики. Эмпирическая база исследования сформирована на основе официальных данных Банка России, международных статистических баз и нормативно-правовых актов, регулирующих внешнеэкономические и финансовые отношения.

Результаты и обсуждение

Внешнеэкономическая деятельность по своему экономическому содержанию и институциональной природе существенно шире, чем внешняя торговля товарами, хотя именно товарный экспорт традиционно занимает центральное место в эмпирических исследованиях. Между тем в более широком теоретическом и прикладном понимании внешнеэкономическая деятельность охватывает совокупность трансграничных экономических связей, включающих торговлю услугами, международное движение капитала, производственную и технологическую кооперацию, участие в глобальных цепочках создания стоимости, а также финансово-расчётные и институциональные механизмы обеспечения внешних операций. Торговля услугами формирует так называемый «невидимый экспорт», который не отражается в таможенной статистике, но играет возрастающую роль в мировой экономике и всё в большей степени влияет на конкурентоспособность стран. Для России это, прежде всего, транспортные, логистические, инженерные, IT-, образовательные и финансовые услуги, потенциал которых в контексте диверсификации внешнеэкономических связей остаётся недостаточно раскрытым.

Согласно данным статистики, доля экспорта товаров и услуг в ВВП России составляет примерно 22,5 % (экспорт) и сопоставима с долями средних экономик, но товарная составляющая экспорта устойчиво доминирует над сервисной. Статистические данные за январь–июнь 2025 г. позволяют уточнить структуру торговли услугами (см. рис. 1). Наиболее значимым по объёму экспортным направлением остаются транспортные услуги (6,8 млрд долл.), которые одновременно занимают сопоставимую долю и в импорте. Данные позволяют сделать выводы о транзитно-логистической роли России в международных перевозках и подтверждают, что транспортный сектор является системообразующим элементом «невидимого экспорта». В контексте переориентации товарных потоков и изменения логистических маршрутов именно транспортные услуги выступают ключевым каналом адаптации



внешнеэкономических связей, хотя их потенциал диверсификации пока реализуется преимущественно как обслуживание товарной торговли.

Существенную роль в экспорте услуг играют прочие деловые услуги (3,4 млрд долл.), а также услуги по переработке товаров, принадлежащих другим сторонам, и услуги по техническому обслуживанию и ремонту. Данные категории отражают участие российских компаний в трансграничных производственных и сервисных цепочках, включая давальческие операции, ремонт и техническое сопровождение оборудования. Их положительное сальдо указывает на наличие конкурентных преимуществ в отдельных сегментах промышленного и инженерного сервиса.

Отдельного внимания заслуживает категория поездок, по которой фиксируется значительно превышение импорта над экспортом (20,3 млрд долл. против 4,2 млрд долл.). Отрицательное сальдо указывает на устойчивый отток валютных средств, связанный с выездным туризмом и зарубежными расходами резидентов, и одновременно на слабую позицию России как экспортёра туристических услуг. В сфере строительных услуг также наблюдается отрицательное сальдо, что отражает более активное привлечение иностранных подрядчиков и технологий по сравнению с экспортом российских строительных компетенций. Аналогичная ситуация характерна для телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг, а также для платы за пользование интеллектуальной собственностью, где импорт существенно превышает экспорт. Данные позволяют сделать выводы об ограниченном присутствии России на глобальных рынках высокоинтеллектуальных и цифровых услуг.

В то же время положительное сальдо по финансовым услугам и по страхованию (пусть и при относительно небольших объёмах) свидетельствует о формировании отдельных нишевых преимуществ в финансовом сервисе, прежде всего в региональном и двустороннем формате взаимодействия.

В совокупности представленная структура внешней торговли услугами показывает, что Россия преимущественно экспортирует услуги, тесно связанные с материальным производством и товарными потоками (транспорт, переработка, ремонт, деловые услуги), тогда как в сфере потребительских, туристических, интеллектуальных и высокотехнологичных услуг сохраняется значительное импортное доминирование. Данные статистики подтверждают вывод о том, что «невидимый экспорт» в России в значительной степени выполняет вспомогательную функцию по отношению к товарной торговле и пока не стал самостоятельным фактором диверсификации внешнеэкономической деятельности.

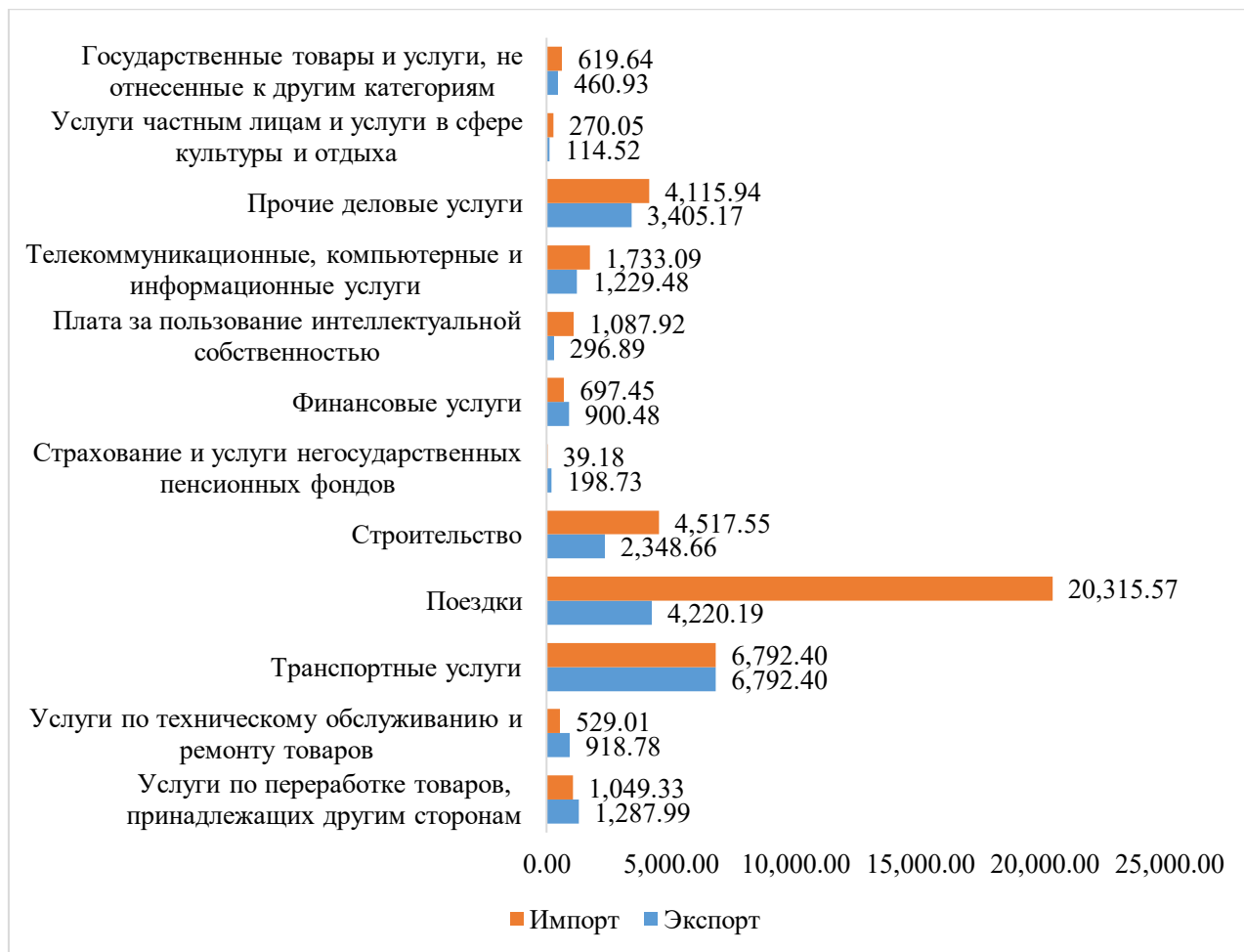


Рис. 1. Внешняя торговля Российской Федерации услугами в структуре расширенной классификации услуг (по методологии платежного баланса) за январь - июнь 2025 года, млн долларов США

Источник: составлено автором по данным [10]

Fig. 1. Foreign trade of the Russian Federation in services in the structure of the expanded classification of services (according to the balance of payments methodology) for January - June 2025, million US dollars

Source: compiled by the author according to [10]

Инвестиционная компонента внешнеэкономической деятельности Российской Федерации отличается повышенной сложностью и неоднозначностью интерпретации. Потoki прямых иностранных инвестиций (ПИИ), направляемых в страну, а также прямые инвестиции российских резидентов за рубеж (OFDI), традиционно рассматриваются как индикаторы степени международной интеграции национальной экономики, глубины кооперационных связей и участия в глобальных цепочках создания стоимости.

Динамика объёма накопленных ПИИ в России за период с 2014 по 2024 гг. (рис. 2) указывает на устойчивую тенденцию к сокращению инвестиционного присутствия иностранных инвесторов. После относительной стабилизации в 2016–2019 гг., когда объём ПИИ колебался в диапазоне 12,8–



14,4 млрд долл., с 2020 г. наблюдается последовательное снижение инвестиционных позиций. Если в 2021 г. показатель составлял около 12,1 млрд долл., то в 2022–2024 гг. он сократился до показателя в 6,6 млрд долл. Данная динамика отражает не циклические колебания, а структурный спад инвестиционной активности, связанный с санкционными ограничениями, ростом страновых рисков и ухудшением прогнозируемости условий ведения бизнеса.

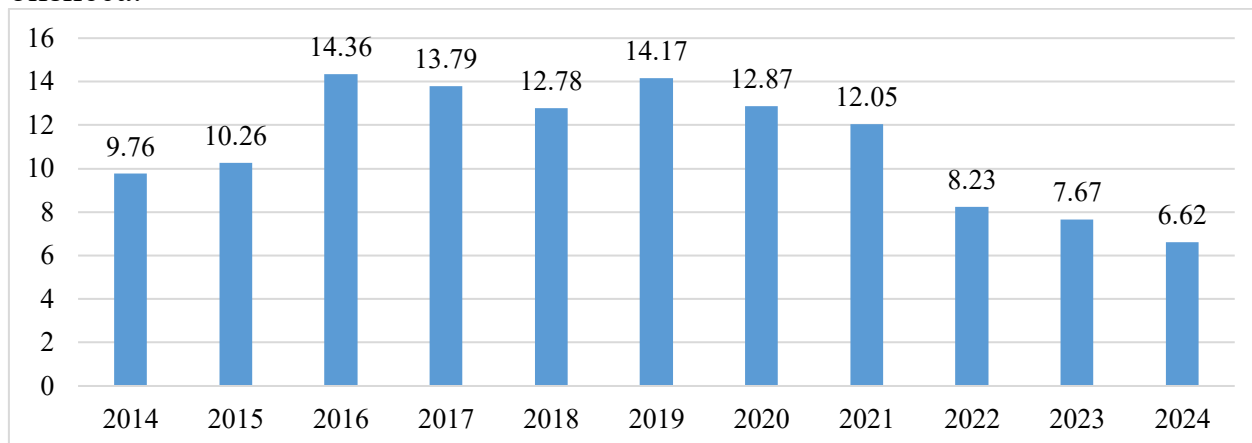


Рис. 2. Динамика объема ПИИ, млрд долл.

Источник: составлено автором по данным [11]

Fig. 2. Dynamics of FDI volume, billions of dollars

Source: compiled by the author according to [11]

Важной особенностью российской статистики ПИИ является методологический аспект учёта реинвестируемой прибыли иностранных компаний. Реинвестированная прибыль формально включается в объём ПИИ, приводя к завышению показателей по сравнению с фактическим притоком нового капитала. В условиях, когда иностранные компании ограничены в возможности вывода прибыли либо вынуждены временно сохранять активы на территории страны, объём реальных инвестиционных вложений оказывается существенно ниже декларируемых значений.

Анализ потоков ПИИ подтверждает данный вывод (см. табл. 1). В 2022 г. Россия зафиксировала отрицательный приток прямых иностранных инвестиций (–15,2 млрд долл.), в 2023 г. формально наблюдался положительный приток (около 9,0 млрд долл.), однако уже в 2024 г. он вновь снизился до 3,3 млрд долл. Одновременно резко сокращается общий объём накопленных ПИИ: с 360 млрд долл. в 2022 г. до 216 млрд долл. в 2024 г., что указывает на системное «сжатие» инвестиционного присутствия иностранных компаний в российской экономике.

Особого внимания заслуживает трансформация географии инвестиционных связей. Несмотря на декларируемый поворот к «дружественным» странам, инвестиционная активность со стороны этих государств также остаётся ограниченной. В 2023 г. на китайские компании



приходилось около 24% ПИИ в России, что формально сделало Китай одним из крупнейших инвесторов. Однако уже в 2024 г. объёмы китайских инвестиций снизились, что во многом было обусловлено опасениями вторичных санкций и высокой неопределённостью регуляторной среды [12]. Таким образом, даже в рамках дружественного вектора инвестиционная диверсификация остаётся ограниченной и уязвимой.

Таблица 1

Прямые иностранные инвестиции в экономику России

Table 1

Foreign direct investment in the Russian economy

Показатель	2022	2023	2024
Приток прямых иностранных инвестиций (млн. долл.)	-15,205	8,998	3,346
Объём прямых иностранных инвестиций (млн. долл.)	359,982	279,303	216,039
Количество инвестиций в новые проекты greenfield	15	24	14
Стоимость инвестиций в новые проекты (млн. долл.)	302	1,203	1,414

Источник: составлено автором по данным [12]

Source: compiled by the author according to [12]

Структура накопленных ПИИ по странам происхождения также указывает на специфику российской инвестиционной модели. Крупнейшими источниками инвестиций традиционно выступают Кипр, Бермудские острова, Нидерланды и Великобритания. При этом значительная часть этих инвестиций носит характер «квази-иностранных», отражая перемещение российского капитала через офшорные и полуофшорные юрисдикции.

Отраслевая структура ПИИ остаётся сравнительно устойчивой. Основным получателем иностранных инвестиций выступает добывающая промышленность, что соответствует экспортно-сырьевой специализации российской экономики. В меньшей степени ПИИ направляются в обрабатывающие производства, оптовую и розничную торговлю, а также в финансовую и страховую деятельность [13]. Концентрация инвестиций в традиционных секторах свидетельствует о слабой диверсификации инвестиционных потоков и ограниченном участии иностранных инвесторов в высокотехнологичных и наукоёмких сегментах экономики. Дополнительным индикатором инвестиционной активности являются проекты greenfield (инвестиции в новые проекты). Их число остаётся невысоким и нестабильным: 15 проектов в 2022 г., 24 в 2023 г. и 14 в 2024 г. Несмотря на рост заявленной стоимости greenfield-инвестиций в 2023–2024 гг., данный формат не компенсирует общее сокращение накопленных ПИИ и не формирует устойчивого инвестиционного тренда.

В совокупности представленные данные показывают, что инвестиционная компонента внешнеэкономической деятельности России характеризуется сокращением объёмов, высокой волатильностью потоков и



ограниченной диверсификацией по странам и секторам. Инвестиционные связи в значительной степени утрачивают функцию долгосрочного механизма интеграции в мировую экономику и всё чаще носят адаптационный, компенсаторный характер. Финансово-расчётные и институциональные механизмы обеспечения внешнеэкономических операций Российской Федерации в условиях санкционного давления претерпели глубокую трансформацию и стали самостоятельным направлением адаптации внешнеэкономической деятельности. Ограничение доступа российских банков и компаний к традиционной глобальной финансовой инфраструктуре, прежде всего к системе SWIFT и корреспондентским счетам в долларах США и евро, обусловило необходимость формирования альтернативной, во многом суверенной архитектуры международных расчётов.

Ключевым достижением России в данной сфере стало институциональное и технологическое замещение заблокированных каналов международных платежей. На практике участники внешнеэкономической деятельности используют совокупность компенсаторных механизмов. Во-первых, расширено применение национальных и двусторонних платёжных инфраструктур. Российская Система передачи финансовых сообщений (СПФС) частично замещает функционал SWIFT во взаимодействии с банками дружественных стран, а в ряде случаев используются индивидуально согласованные каналы связи между кредитными организациями. Одновременно возрастает роль расчётов в национальных валютах, прежде всего в рублях, юанях, дирхамах и рупиях (рис. 3–4), что снижает зависимость от западных расчётных центров, но повышает значение валютного контроля и двусторонних клиринговых соглашений.

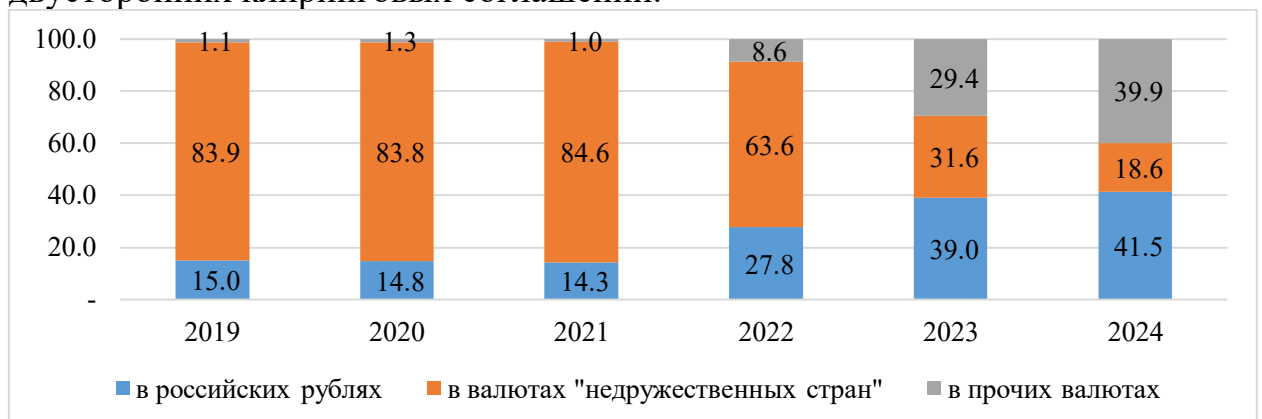


Рис. 3. Валютная структура поступлений за экспорт товаров и услуг, %

Источник: составлено автором по данным [10]

Fig. 3. The currency structure of receipts for the export of goods and services, %

Source: compiled by the author according to [10]



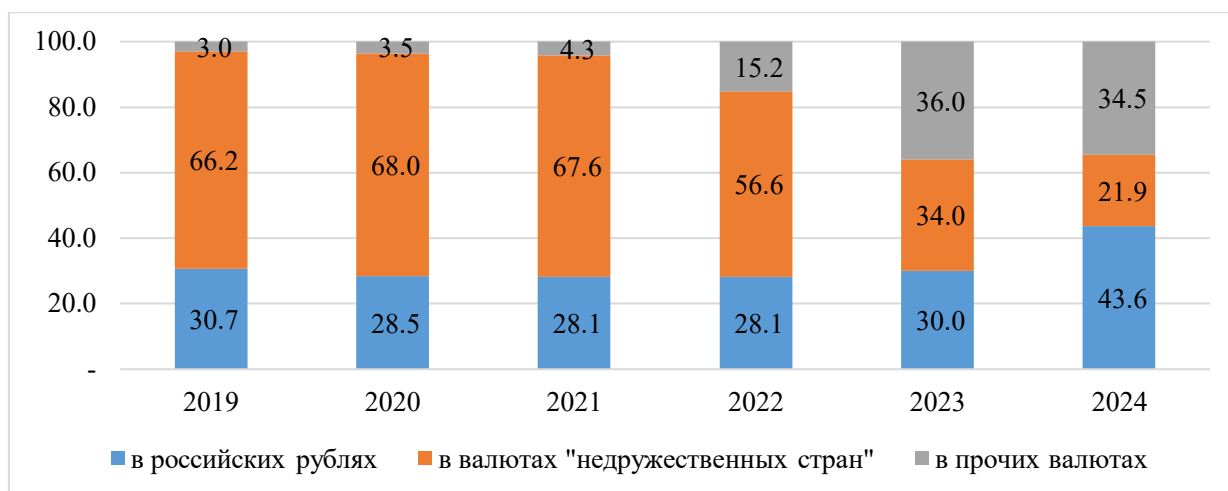


Рис. 4. Валютная структура поступлений за импорт товаров и услуг, %

Источник: составлено автором по данным [10]

Fig. 4. The currency structure of receipts for imports of goods and services, %

Source: compiled by the author according to [10]

Во-вторых, важным элементом компенсации отключения от SWIFT стало развитие нормативно-правовой базы альтернативных расчётных инструментов, прежде всего, цифровых. Принятие Федерального закона № 45-ФЗ в 2024 г. юридически закрепило возможность использования цифровых финансовых активов (ЦФА) в международных расчётах между резидентами и нерезидентами. Использование цифровых финансовых активов в трансграничных расчётах рассматривается как один из наиболее перспективных механизмов обеспечения внешнеэкономических операций. ЦФА позволяют проводить расчёты вне классической банковской инфраструктуры, минимизируя риски блокировки платежей и экстерриториального применения санкционного законодательства [14]. Вместе с тем их практическое применение пока носит ограниченный характер, что связано с замкнутостью российской инфраструктуры обращения ЦФА, отсутствием механизмов международного признания цифровых прав и необходимостью обязательной идентификации нерезидентов в российских информационных системах [15]. В сущности, использование цифровых финансовых активов выступает не только инструментом адаптации к санкционным ограничениям, но и потенциальным фактором долгосрочной диверсификации внешнеэкономических связей Российской Федерации.

Заключение

В процессе исследования автором было выявлено, что внешнеэкономическая деятельность Российской Федерации в условиях трансформации мировой экономики характеризуется выраженной структурной асимметрией. Торговля услугами в структуре внешнеэкономической деятельности России характеризуется ограниченной диверсификацией, а также тесной привязкой к материальному производству и



товарным потокам. Экспорт услуг представлен преимущественно в транспортном, логистическом и деловом сегментах, что отражает транзитную роль страны и её участие в обслуживании внешней торговли товарами. В сферах высокотехнологичных, интеллектуальных, цифровых и туристических услуг сохраняется устойчивое импортное доминирование. В результате «невидимый экспорт» пока не выступает самостоятельным источником повышения устойчивости и конкурентоспособности внешнеэкономических связей.

Анализ инвестиционной компоненты ВЭД выявил тенденцию к системному сокращению объёмов и глубины инвестиционной интеграции России в мировую экономику. Снижение накопленных ПИИ, высокая волатильность инвестиционных потоков и сокращение числа проектов greenfield позволяет судить о том, что прямые иностранные инвестиции в значительной степени утрачивают функцию долгосрочного механизма участия в глобальных цепочках создания стоимости. Дополнительным искажающим фактором является методологическая специфика учёта реинвестируемой прибыли, которая завышает формальные показатели ПИИ по сравнению с реальным притоком нового капитала. География и отраслевая структура инвестиций остаются слабо диверсифицированными, а декларируемый поворот к «дружественным» странам не сопровождается устойчивым ростом инвестиционной активности.

Финансово-расчётные и институциональные механизмы обеспечения внешних операций выступили наиболее динамично трансформирующимся элементом ВЭД. Ограничение доступа к глобальной финансовой инфраструктуре стимулировало формирование альтернативной архитектуры международных расчётов, основанной на использовании национальных и двусторонних платёжных систем, расчётах в национальных валютах и внедрении цифровых инструментов. Развитие СПФС, рост доли рублёвых и юаневых расчётов, а также институционализация цифровых финансовых активов и цифрового рубля являются индикаторами создания элементов финансового суверенитета и снижения зависимости от традиционных западных расчётных каналов. Вместе с тем данные механизмы пока не обладают сопоставимой масштабируемостью и универсальностью по сравнению с классическими международными платёжными системами, а их использование сопряжено с повышенными требованиями валютного контроля и санкционного комплаенса.

В совокупности результаты исследования подтверждают, что диверсификация внешнеэкономической деятельности России носит преимущественно адаптационный характер и реализуется фрагментарно по отдельным направлениям. Ни торговля услугами, ни инвестиционная деятельность, ни финансово-расчётные инновации пока не сформировали



устойчивую альтернативу товароцентричной модели внешнеэкономических связей.

Направления дальнейших научных изысканий автора нацелены на углублённый анализ международной производственной и технологической кооперации. Также вне фокуса настоящей статьи остались институциональные механизмы поддержки экспорта и внешнеэкономической активности со стороны государства, что также является перспективным направлением для будущих исследовательских работ автора.

Литература

1. Куликова И.В., Украинцева И.В., Рощина Л.Н. Развитие экономических отношений России с Китаем и Индией: перспективы и прогнозы // Прогрессивная экономика. 2023. № 9. С. 68–80.
2. Fortescue S. The reorientation of Russia's trade corridors since the invasion of Ukraine. *Post-Communist Economies*. 2024. Vol. 36(4). P. 405–431. <https://doi.org/10.1080/14631377.2024.2324223>
3. Aksenov G., Li R., Abbas Q., Fambo H., Popkov S., Ponkratov V., Kosov M., Elyakova I., Vasiljeva M. Development of Trade and Financial-Economical Relationships between China and Russia: A Study Based on the Trade Gravity Model // *Sustainability*. 2023. Vol. 15(7). P. 6099. <https://doi.org/10.3390/su15076099>
4. Ван Сюэцяо. Тенденции развития российско-китайских торгово-экономических связей в современных условиях // Прогрессивная экономика. 2025. № 10. С. 210–227. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_10_210.
5. Куликова И.В., Рощина Л.Н., Украинцева И.В. Таможенное сотрудничество России и Китая: состояние и перспективы развития // Прогрессивная экономика. 2025. № 10. С. 63–78. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_10_63.
6. Shakib M., Sohag K., Hassan M. K., Vasilyeva R. Finance and export diversifications Nexus in Russian regions: Role of trade globalization and regional potential // *Emerging Markets Review*. 2023. Vol. 57. P. 101059. <https://doi.org/10.1016/j.ememar.2023.101059>.
7. Aponte-Garcia M. Hydrocarbon trade deflection and supply-chain trade restructuring under sanctions imposed during the Russia–Ukraine conflict // *Russian Journal of Economics*. 2024. Vol. 10(3). P. 299–318. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.10.125317>
8. Drapkin I.M., Fedyunina A.A., Simachev Y.V. Unrealized opportunities: Exploring Russia's untapped OFDI potentials amidst economic sanctions // *Russian Journal of Economics*. 2023. Vol. 9(2). P. 134–157. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.9.104661>
9. Zhirikov V. Analysis of the sectoral structure of foreign direct investment between the Russian federation and the People's Republic of China. In:



Kuchinskaya T, Limei S, Steblyanskaya A (Eds). Trans-borderness in a New Era: Integration, Identities and Cooperation for Sustainable Development // BRICS Journal of Economics. 2025. Vol. 6(3). P. 31–45. <https://doi.org/10.3897/brics-econ.6.e145598>

10. Статистика внешнего сектора // Банк России. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/ets/ (дата обращения: 02.11.2025)

11. Foreign direct investment position of the United States in Russia from 2000 to 2024 // Statista. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/188637/united-states-direct-investments-in-russia-since-2000/> (дата обращения: 03.11.2025)

12. Foreign direct investment (FDI) in Russia // Lloyds Bank. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lloydsbanktrade.com/en/market-potential/russia/investment> (дата обращения: 04.11.2025)

13. Болаев А.В., Бондаренко В.А. Вопросы привлечения прямых иностранных инвестиций из Китая в экономику России в контексте реализации стратегической инициативы «Один пояс и один путь» // Вопросы инновационной экономики. 2024. Т. 14. № 2. С. 409–428. <https://doi.org/10.18334/vines.14.2.121129>

14. Фадеев Д.А. Правовые аспекты использования цифровых финансовых активов в международных расчетах // Прогрессивная экономика. 2025. № 5. С. 149–164. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_5_149.

15. Аверкина Е.В. К вопросу о международных расчетах в ЦФА // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 2–2 (120). С. 16–20. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2025-2-2-16-20>

References

1. Kulikova, I.V., Ukraintseva, I.V., Roshchina, L.N. (2023). Razvitie ekonomicheskikh otnosheniy Rossii s Kitaem i Indiyey: perspektivy i prognozy [Development of Russia's economic relations with China and India: prospects and forecasts]. *Progressivnaya ekonomika [Progressive Economy]*, 9, 68–80. (In Russ., abstract in Eng.)

2. Fortescue, S. (2024). The reorientation of Russia's trade corridors since the invasion of Ukraine. *Post-Communist Economies*, 36(4), 405–431. <https://doi.org/10.1080/14631377.2024.2324223> (In Eng.)

3. Aksenov, G., Li, R., Abbas, Q., Fambo, H., Popkov, S., Ponkratov, V., Kosov, M., Elyakova, I., Vasiljeva, M. (2023). Development of trade and financial-economical relationships between China and Russia: A study based on the trade gravity model. *Sustainability*, 15(7), 6099. <https://doi.org/10.3390/su15076099> (In Eng.)

4. Van, Xueqiao. (2025). Tendentsii razvitiya rossiysko-kitayskikh trgovovo-ekonomicheskikh svyazey v sovremennykh usloviyakh [Trends in the



development of Russian-Chinese trade and economic relations in modern conditions]. *Progressivnaya ekonomika [Progressive Economy]*, 10, 210–227. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_10_210 (In Russ., abstract in Eng.)

5. Kulikova, I.V., Roshchina, L.N., Ukraintseva, I.V. (2025). Tamozhennoe sotrudnichestvo Rossii i Kitaya: sostoyanie i perspektivy razvitiya [Customs cooperation between Russia and China: current state and development prospects]. *Progressivnaya ekonomika [Progressive Economy]*, 10, 63–78. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_10_63 (In Russ., abstract in Eng.)

6. Shakib, M., Sohag, K., Hassan, M.K., Vasilyeva, R. (2023). Finance and export diversification nexus in Russian regions: Role of trade globalization and regional potential. *Emerging Markets Review*, 57, 101059. <https://doi.org/10.1016/j.ememar.2023.101059> (In Eng.)

7. Aponte-Garcia, M. (2024). Hydrocarbon trade deflection and supply-chain trade restructuring under sanctions imposed during the Russia–Ukraine conflict. *Russian Journal of Economics*, 10(3), 299–318. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.10.125317> (In Eng.)

8. Drapkin, I.M., Fedyunina, A.A., Simachev, Y.V. (2023). Unrealized opportunities: Exploring Russia’s untapped OFDI potentials amidst economic sanctions. *Russian Journal of Economics*, 9(2), 134–157. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.9.104661> (In Eng.)

9. Zhirikov, V. (2025). Analysis of the sectoral structure of foreign direct investment between the Russian Federation and the People’s Republic of China. In: Kuchinskaya T., Limei S., Steblyanskaya A. (Eds.), *Trans-borderness in a New Era: Integration, Identities and Cooperation for Sustainable Development*. *BRICS Journal of Economics*, 6(3), 31–45. <https://doi.org/10.3897/brics-econ.6.e145598> (In Eng.)

10. Bank Rossii. (2025). Statistika vneshnego sektora [External sector statistics]. Retrieved from: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/ets/ (Date of access: 02.11.2025). (In Russ.)

11. Statista. (2025). Foreign direct investment position of the United States in Russia from 2000 to 2024. Retrieved from: <https://www.statista.com/statistics/188637/united-states-direct-investments-in-russia-since-2000/> (Date of access: 03.11.2025). (In Eng.)

12. Lloyds Bank. (2025). Foreign direct investment (FDI) in Russia. Retrieved from: <https://www.lloydsbanktrade.com/en/market-potential/russia/investment> (Date of access: 04.11.2025). (In Eng.)

13. Bolaev, A.V., Bondarenko, V.A. (2024). Voprosy privlecheniya pryamykh inostrannykh investitsiy iz Kitaya v ekonomiku Rossii v kontekste realizatsii strategicheskoy initsiativy “Odin poyas i odin put” [Issues of attracting Chinese FDI to the Russian economy in the context of the Belt and Road Initiative].



Voprosy innovatsionnoy ekonomiki [Issues of Innovative Economy], 14(2), 409–428. <https://doi.org/10.18334/vinec.14.2.121129> (In Russ., abstract in Eng.)

14. Fadeev, D.A. (2025). Pravovye aspekty ispol'zovaniya tsifrovyykh finansovykh aktivov v mezhdunarodnykh raschetakh [Legal aspects of using digital financial assets in international settlements]. *Progressivnaya ekonomika [Progressive Economy]*, 5, 149–164. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_5_149 (In Russ., abstract in Eng.)

15. Averkina, E.V. (2025). K voprosu o mezhdunarodnykh raschetakh v TsFA [On international settlements using digital financial assets]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika [Economy and Business: Theory and Practice]*, 2–2(120), 16–20. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2025-2-2-16-20> (In Russ., abstract in Eng.)

© Пивоваров А.Г., 2025 г.

